

Вдохновленный революцией

К 100-летию со дня рождения Ф. Гладкова

Столетний юбилей Федора Васильевича Гладкова привлёк к его имени и творчеству внимание миллионов новых читателей. Пятитомное собрание сочинений, отдельные многотиражные издания его произведений, выходящие сегодня, не залеживаются на полках книжных магазинов. В этих книгах незаурядный талант писателя проявился в полной мере и, замечу, в большом созвучии с нашими днями.

Герои Гладкова несут в себе огромный заряд оптимизма людей труда, их веры в торжество справедливости. С большой художественной силой и исторической достоверностью запечатлел писатель глобальные процессы той эпохи, когда они жили и действовали, те проблемы, которые волновали тогда и волнуют сейчас множество людей. И, несомненно, что по глубине проникновения в сущность жизни своего народа, по художественной силе и психологической точности воспроизведенных характеров Гладков относится к крупнейшим художникам слова.

В памяти современников сохранился образ страстного, прямого и честного, пусть иногда и заблуждавшегося, по-граждански деятельного человека, умудренного огромным литературным, общественным и житейским опытом. Для Гладкова не существовало малых дел, мелких неинтересных событий и явлений. И естественно, прежде всего волновало его то, что касалось литературы, имело отношение к делам писательским.

В речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году Гладков так определил личность литератора эпохи социализма: «Своеобразие нашей действительности создало новый тип художника слова. Характерная его особенность заключается в том, что он уже не пассивный наблюдатель со стороны, не человек, одиноко идущий своей дорогой, который с презрением взирает на толпу, а активнейший участник всех дел и событий. Он весь — в практике созидания нашей жизни, в практике тех великих работ, которые совершает многомиллионный коллектив пролетариев и колхозников нашей Родины».

Эти слова можно целиком отнести к литературной и общественной деятельности самого Гладкова. Сказанные почти полвека назад, они не утратили своей значимости и сегодня, когда вопрос о гражданской активности писателя, оперативности и действенности его работы со всей остротой ставится самой жизнью и нашей партией.

Писатель беспокойного общественного темперамента, Гладков всегда находился в самой гуще жизни народной. Он чётко отмечал в ней все новое, рождающееся и передовое, непримиримо относился к негативным сторонам действительности. Внимание и интересы его были прикованы к самым острым проблемам времени. И особенно увлекало художника и публициста исследование новых черт характера советского человека. Это нетрудно увидеть в героях его произведений. Художественная практика у Гладкова сопровождалась напряженными раздумьями над проблемами творчества, эстетики и этики.

В моей памяти оживает образ Федора Васильевича — человека незаурядного, страстного, реактивного, легкозавудимого и раннего, с ясной и четкой системой отношений к жизни, людям, к своему литературному делу. С ним я состоял в переписке, не раз доводилось встречаться и проводить долгие часы в дружеских беседах и с глазу на глаз, и в кругу его близких товарищей. Естественно, что в этих беседах большое место занимали творческие вопросы, которые постоянно волновали писателя. Многое мне удалось записать, кое-что сохранилось в памяти. И сейчас, просмат-

ривая пожелтевшие от времени листы записных книжек тридцатилетней давности, удивляешься тому, сколь многое из мыслей и высказываний Федора Васильевича не только не потеряло своей актуальности и ценности сегодня, но, кажется, приобрело еще большую значимость. И как это все близко и созвучно требованиям наших дней и живо перекликается с недавними решениями партии по вопросам литературы!

Не раз Гладков обращался к важнейшим проблемам отношения художника к действительности. «Для того чтобы писать книгу», — говорил он, — надо гореть какой-то большой идеей. Чтобы написать книгу, нужно знать о чем писать, надо знать людей. А для этого надо жить с ними. Вот «Цемент», например. Работая над ним, я совершенно свободно располагал материалом. А идея меня вдохновляла, — идея ленинская, партийная. Я видел тогда, как относились к интеллигенции, и знал, что говорил Ленин об интеллигенции. Мне было легко писать... Вот «Энергия»... Я пять лет жил на Днепрострое, знал там всех рабочих и инженеров...»

Однажды в кругу его друзей разговор зашел о том, какие задачи стоят перед современным писателем, перед литературой. Кто-то говорил о воспитательной роли литературы, кто-то о задачах писателя — летописца жизни народа... Гладков, внимательно выслушав всех, со свойственной ему запальчивостью, резко заявил: «А я свою задачу художника понимаю так: я должен выразить свое отношение к рабочему классу новой революционной эпохи. «Цемент» — здесь показана организация рабочих и привлечение инженеров к строительству новой жизни. «Энергия» — закладка фундамента социалистической промышленности, развитие тяжелой промышленности. Люди получают образование на своих производствах. «Клятву»... К Отечественной войне созрели молодые силы из рабочего класса. Рабочие стали интеллигентами. Они уже могут в своих руках держать сложную технологию производства, сложные машины. Это у меня своеобразная трилогия о советском рабочем классе...» — И услышав мой вопрос, а что он пишет сегодня, каковы его замыслы, быстро ответил: — Вы спрашиваете: какой у меня замысел или какие замыслы?.. Мне хочется кончить четвертую книгу автобиографической эпопеи. Это произведение о собирании рабочего класса в преддверии революции 1905 года и в период первой русской революции. Это начало нашей борьбы...»

И он стал с увлечением рассказывать, как в то далекое время создавалось рабочее революционное подполье в Екатеринодаре, как большевики развертывали работу после пятого года.

«Я вступил в партию зимой 1906 года в Тифлисе и работал с известными большевиками. Тогда же держал экзамен за учительский институт». Потом Гладков принимал участие в революционной работе в Ейске, затем в Забайкалье.

Особенно волновали Федора Васильевича вопросы партийности и роли мировоззрения в творчестве писателя.

«Я крепко связан с партией, с рабочим классом. И мне, видимо, было легче, чем другим, постигнуть подвиги рабочего класса в их революционных и созидательных стремлениях», — говорил он.

А вот моя запись интервью с ним, взятого для «Литературной газеты»: «Я всегда был с нашей партией. Об этом говорят все мои книги. Я всегда считал и считаю, что тот, кто любит Родину, Россию, живет с ней, тот всегда будет с Лениным. Меня всегда вдохновляла политика партии. Я никогда над собой не чувствовал давления «тяжелой ру-

ки» партии... Направление — не есть веление... Я всегда был против лефовского лозунга «социальный заказ». Его я никогда не принимал. Для меня есть партия и есть учение Ленина... Я был всегда свободен, когда чувствовал, что иду в ногу со своим народом... Никогда я не лакирую действительность, не закрываю глаза на отрицательные ее стороны. Но самое важное для меня — романтизация положительного в жизни. Я считаю типическим рождение нового. Есть люди, которые желают жить по-новому, по-коммунистически, и они для меня являются героями нашего времени...»

В одной из бесед с Федором Васильевичем задал ему вопрос о роли мировоззрения в творчестве писателя и сразу же получил ответ человека, выстрадавшего, выносившего свои идейно-эстетические взгляды: «Слово — это мысль, а раз мысль — значит и мировоззрение. А оно в свою очередь определяется опытом жизни, участием в народной борьбе за счастье... Мировоззрение для меня — это моя заветная мысль, мой заветный идеал. И все мое творчество направлено на борьбу за этот идеал».

Большой интерес представляет эпистолярное наследие Гладкова. В письмах он четко и последовательно излагал свои взгляды на жизнь и литературу. Поражают его честность и прямота, принципиальность, непримиримость к недостаткам и несправедливостям. Интересны они и тем, что в одном он щедро делился раздумьями о своем творчестве и работе своих товарищей по перу. В других, отвечая на вопросы, рассказывал о своей творческой биографии, (а однажды он прислал мне даже подробную автобиографию). На вопрос о его работе в годы Великой Отечественной войны, Гладков писал: «Вы правы, что военный период моей литературной художественной и публицистической работы совсем почти не отражен в нашей критике, хотя я трудился и воевал с фашизмом очень много и не бесследно: мои статьи и рассказы передавались по радио сейчас же по напечатанию... С сентября 1941 г. по июнь 1942 г. был по командировке в роли специального корреспондента «Известий» в Свердловске и других промышленных городах Южного/Урала. Задачей моей было — изображение работы и условий этой работы эвакуированных заводов. Наряду с этим и знакомство с работой коренных уральских заводов на войну, а попутно и бывать в колхозах.

В 1942 году возвратился в Москву. В течение 1943 г. написал «Мать», «Клятву», «Бойца Назара», «Малашину счастье», «Завет отца», «Машу из Заполярья», не считая публицистических статей. Это была исключительно огромная работа по объему, да, кажется, качеству, художественная высота не должны вызывать упреков. В 1943 году около месяца был на фронте, на передовой линии, на Курско-Орловской дуге, как раз перед великой этой битвой. Там мне открыто было широкое поле для наблюдений».

Гладков считал труд писателя делом общественного служения народу. Развивая горьковские традиции, он обогатил нашу литературу новыми темами, проблемами, героями-рабочими, которые живут в сознании читателей и активно участвуют в формировании нового социалистического человека. Его романы, повести, рассказы правдиво воссоздают дух бурного революционного времени, героические свершения советских людей.

Наш народ хранит память о большом писателе и человеке Федоре Васильевиче Гладкове, а писатели — наши современники продолжают и приумножают его славные литературные традиции.

Юрий ПУХОВ.